

ISSN 0869-4362

Русский
орнитологический
журнал

2016
XXV

ЭКСПРЕСС-ВЫПУСК
1274
EXPRESS-ISSUE

2016 № 1274

СОДЕРЖАНИЕ

- 1359-1367 Чечётка *Acanthis flammea* в Архангельске и его пригородной зоне. В. А. АНДРЕЕВ
- 1367-1368 Горихвостка-чернушка *Phoenicurus ochruros* – гнездящийся вид Кировской области. С. Ф. АКУЛИНКИН, В. Н. СОТНИКОВ
- 1369-1371 Кормовые скопления птиц в очаге массового размножения азиатской саранчи *Locusta migratoria* на северном побережье озера Сасыкколь (Восточный Казахстан). Н. Н. БЕРЕЗОВИКОВ, А. Н. ФИЛИМОНОВ
- 1371-1372 Серая ворона *Corvus cornix* ловит летучую мышь в воздухе. Н. Н. КОЛЯКИНА
- 1372-1387 Большой баклан *Phalacrocorax carbo* на Байкале. О. К. ГУСЕВ
- 1387-1389 Наиболее южное гнездование мородунки *Xenus cinereus*. А. Н. ЦВЕЛЫХ
- 1389-1390 Влияние паразитирования личинок *Protocalliphora azurea* на рост и развитие птенцов скворца *Sturnus vulgaris*. Е. И. ТРУФАНОВА, А. Д. НУМЕРОВ
- 1391 Сибирская гага *Polysticta stelleri* в Мурманской области. А. С. КОРЯКИН, Т. Д. ПАНЕВА, И. П. ТАТАРИНKOVA
-

Редактор и издатель А. В. Бардин
Кафедра зоологии позвоночных
Биолого-почвенный факультет
Санкт-Петербургский университет
Россия 199034 Санкт-Петербург

2016 № 1274

CONTENTS

- 1359-1367 The common redpoll *Acanthis flammea* in Arkhangelsk and its suburban area. V. A. ANDREEV
- 1367-1368 The black redstart *Phoenicurus ochruros* – a nesting species of the Kirov Oblast. S. F. AKULINKIN, V. N. SOTNIKOV
- 1369-1371 Trophic concentrations of birds in the outbreak of mass breeding of the Asiatic locust *Locusta migratoria* on the north shore of Lake Sasykkol (East Kazakhstan). N. N. BEREZOVIKOV, A. N. FILIMONOV
- 1371-1372 Hooded crow *Corvus cornix* catching a bat in the air. N. N. KOLYAKINA
- 1372-1387 The great cormorant *Phalacrocorax carbo* on Lake Baikal. O. K. GUSEV
- 1387-1389 The most southern breeding place of the Terek Sandpiper *Xenus cinereus*. A. N. TSVELYH
- 1389-1390 Influence of parasitism of *Protocalliphora azurea* larvae on growth and development of nestling starlings *Sturnus vulgaris*. E. I. TRUFANOVA, A. D. NUMEROV
- 1391 The Steller's eider *Polysticta stelleri* in the Murmansk Oblast. A. S. KORYAKIN, T. D. PANEVA, I. P. TATARINKOVA
-

A.V.Bardin, Editor and Publisher
Department of Vertebrate Zoology
St. Petersburg University
St. Petersburg 199034 Russia

Чечётка *Acanthis flammea* в Архангельске и его пригородной зоне

В.А.Андреев

Валерий Аркадьевич Андреев. Кафедра зоологии и экологии, Северный (Арктический) федеральный университет, пр. Ломоносова, 4, Архангельск, 163002, Россия.
E-mail: vandreev@atnet.ru

Поступила в редакцию 18 марта 2016

Материалами к настоящему сообщению явились результаты более чем 34-летних (с 1981 года по настоящее время) наблюдений и 16-летних (с 2000 года) круглогодичных, по возможности ежедневных учётов орнитофауны города Архангельска, а также наблюдений и учётов в пригородной зоне. Общая протяжённость учётных маршрутов за этот период в городе составила на конец 2015 года 11511 км, а количество учётов – 3837, в пригородной зоне, соответственно, 920 км и 263 учёта.

Судя по результатам наблюдений В.Я.Паровщикова (1941), в 1930-е годы обыкновенная чечётка *Acanthis flammea* в пределах границ города Архангельска являлась довольно редким гнездящимся и зимующим видом.

В настоящее время чечётка в Архангельске и его пригородной зоне является обычным гнездящимся видом, а в отдельные годы – весьма многочисленным как на гнездовании, так и в период летне-осенних кочёвок. В Архангельске чечётка – зимующий вид, однако в отдельные зимние месяцы (декабрь 2001, 2004, 2008, 2009, 2011, 2013, 2015, январь 2000, 2007, 2010, 2012, 2014, февраль 2010, 2012, 2014 годов) она не регистрировалась во время учётов, хотя её пребывание в эти периоды в окрестностях Архангельска не исключается. Бывало, что не регистрировалась чечётка во время учётов и в другие месяцы года, и только в мае и июле она наблюдалась во все учётные годы.

По результатам собственных наблюдений и учётов плотность населения чечётки в урбанизированных ландшафтах города варьировала в зимний период от 0.2 до 34.0 особей на 1 км² (в среднем 8.0 ос./км²), составляя от 0.01% до 2.2% всего зимнего населения птиц (в среднем 0.8%), а в отдельные зимние месяцы (январь 2013, 2015) – до 2.6% (62.4–62.3 ос./км²); летом – от 0.04 до 146, в среднем 49.8 ос./км², составляя от 0.04 до 12.1% летнего населения (в среднем 3.8%), а в отдельные месяцы (август 2001) – до 22.6% (425.6 ос./км²). Весеннее население чечётки варьировало от 0.4 до 56, в среднем 8.3 ос./км², а доля от всего населения птиц – от 0.03 до 8.2, в среднем 1.1%, а в отдельные месяцы (апрель

2000) – 13.9% (86.1 ос./км²); осеннее население – от 0.5 до 116,4, в среднем 37.1 ос./км², доля – 0.02-8.0, в среднем 2.6%, а в отдельные месяцы (сентябрь 2002) – 12.0% (212.5 ос./км²). Среднегодовая плотность населения чечётки в городских ландшафтах варьировала от 0.3 (2014 год) до 43.9 ос./км² (2001). Средняя ($n = 3837$) плотность населения за все годы наблюдений составила 19.5 ос./км². В различных типах экосистем пригородной зоны среднегодовое население чечётки варьировало в разные годы от 0.6 до 38 ос./км².

Общая картина динамики населения чечётки в центральной части города, где осуществляются учёты, показана на рисунках 1 и 2.

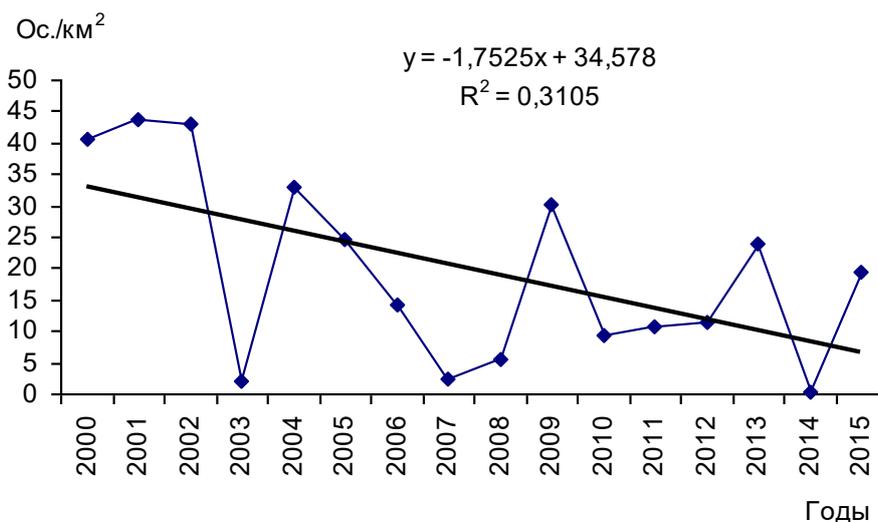

Рис. 1. Динамика и линейный тренд среднегодовой плотности населения чечётки *Acanthis flammea* в центральной части Архангельска.

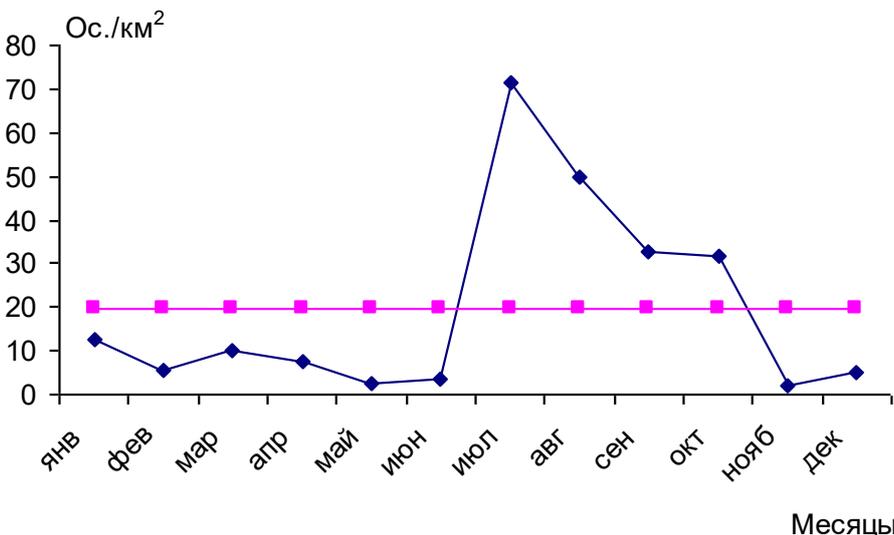

Рис. 2. Динамика среднемесячной на фоне среднегодовой плотности населения чечётки *Acanthis flammea* в центральной части Архангельска.

На рисунке 1 показано изменение среднегодовой плотности населения чечётки в течение 16 лет на фоне линейного тренда, демонстрирующего неуклонное снижение численности. Из рисунка 2 видно,

что максимальная численность чечётки в городских ландшафтах бывает в июле, когда происходит массовый вылет местных молодых и прилёт из других, более северных областей гнездования. В течение ещё трёх месяцев – в августе, сентября и октябре – также наблюдается превышение среднегодовой плотности населения чечётки.

В условиях Архангельска и его пригородной зоны чечётка гнездится, по-видимому, дважды. Начало первого гнездования я отмечал, как и у большинства вьюрковых, в середине мая, второе – с первой декады июля. Непосредственных наблюдений за гнездованием одной пары в течение всего весенне-летнего периода не проводилось, поэтому пока нельзя однозначно сказать о том, гнездятся ли одни и те же пары дважды за сезон, либо разные пары гнездятся в сильно растянутые сроки.

Весеннее гнездование в Архангельске начинается в первой половине мая. Средний срок начала гнездостроения – 13 мая ($n = 12$). Откладка яиц начинается во второй половине мая, в среднем ($n = 8$) 21 мая. В литературе есть указания на факты более раннего гнездования обыкновенной чечётки даже значительно севернее Архангельска – в Мурманской области (Баккал 2005).

В 2 из 8 обследованных гнёзд с полной кладкой находилось по 4 яйца, в 3 – по 5, в 3 – по 6 яиц. Средняя величина полной кладки первого (весеннего) гнездования составила 5.13 ± 0.3 . Размеры яиц ($n = 11$), мм: 16.0-17.1×12.0-12.6, в среднем 16.6×12.4.

Плотность весеннего гнездования чечётки в Архангельске и его пригородной зоне в основном невысокая: 0.2-6.7 гнезда на 1 км², в отдельные годы она составляла 8-20 гн./км² и лишь в 2005 году за последние 30 лет она достигала 33-40 гн./км².

Для чечётки отмечалась сильная растянутость и большая продолжительность гнездового периода (85-115 дней) откладки первых яиц в разных частях основного ареала (Баккал 2005; Бианки и др. 1993; Владимирская 1948; Зимин 1988; Новиков 1952; Рябицев 1993). По-видимому, в этот растянутый гнездовой период включаются первые, повторные, вторые и поздние кладки, отмечавшиеся разными исследователями (Алексеева 2005; Гладков 1962; Данилов и др. 1984; Пасхальный 1999; Рябицев 1987; Семёнов-Тян-Шанский, Гилязов 1991; Хохлова, Морошенко 2009).

В Архангельске и его пригородной зоне в отдельные годы летнее гнездование чечётки бывает необыкновенно массовым. Такое летнее массовое гнездование мы регистрировали в 1984, 1998, 2002, 2004, 2005, 2009, 2013 годах. Плотность гнездования при этом, например в 2009 году, составляла 104-222, в среднем 163 гн./км². Одновременно жилые гнёзда чечёток располагались иногда друг от друга в 5-20 м. Такой высокой плотности гнездования обыкновенной чечётки мы в другие годы не отмечали.

Многолетние наблюдения позволили предположить нам, что на летнее гнездование в Архангельск и пригородную зону, по-видимому, прилетают чечётки, отгнездившиеся севернее в первый (весенний) репродуктивный цикл. Ранее позднее гнездование чечёток объясняли явлением промежуточных миграций, когда первый цикл размножения проходит в одном районе, а второй – в другом (Мальчевский, Пукинский 1983).

Строительство гнёзд в Архангельске при летнем гнездовании проходит со второй декады июля по первую декаду августа. Гнёзда чечётки мы находили на 12 видах деревьев и кустарников (табл. 1).

Таблица 1. Распределение гнёзд чечётки *Acanthis flammea* по видам деревьев и кустарников и высоте расположения во время летнего гнездования

Вид растения	Кол-во гнёзд		Кол-во гнёзд, расположенных на высоте, м					Высота расположения, м	
	Абс.	%	1-2	2.1-3	3.1-4	4.1-6	>6	Среднее	lim
Сирень	18	45.0	3	9	5	1	–	2.8	1.4-3.5
Берёза	5	12.5	–	–	2	2	1	4.5	2.4-8.0
Жимолость	4	10.0	2	2	–	–	–	2.2	1.9-2.7
Акация	3	7.5	3	–	–	–	–	1.4	1.3-1.5
Сосна	2	5.0	–	1	–	1	–	3.8	3.0-4.6
Тополь	2	5.0	–	–	–	2	–	4.2	4.0-4.3
Боярышник	1	2.5	1	–	–	–	–	1.2	–
Ель колючая	1	2.5	–	–	1	–	–	3.8	–
Липа	1	2.5	–	–	1	–	–	3.6	–
Лиственница	1	2.5	–	–	–	–	1	8.5	–
Арония	1	2.5	1	–	–	–	–	1.3	–
Яблоня	1	2.5	–	–	1	–	–	3.2	–
Итого абс./%:	40	100	10/25	12/30	10/25	6/15	2/5	3.4	–

Как видно из таблицы 1, 27 гнёзд (67.5%) были расположены на кустарниках 5 видов, 13 гнёзд (32.5%) – на 7 видах деревьев, растущих в городе. Средняя высота расположения гнёзд на кустарниках – 1.8 м, на деревьях – 4.5 м. На высоте до 4 м располагались 80% всех гнёзд, ниже 2 м – 25% гнёзд. Лишь 5% гнёзд (2) были расположены выше 8 м. Основная зона гнездования лежит в пределах 1.4-4.0 м, а средняя высота расположения гнёзд составила 3.4 м. Первое гнездование (весенне-летнее) чечётки характеризуется более высоким расположением гнёзд, составившим в среднем 5.1 м ($n = 9$). По-видимому, это отчасти связано с ещё полным отсутствием маскирующих гнёзда листьев на кустах и деревьях в мае, когда у чечётки начинается процесс гнездо-строения. Гнёзда первого гнездования чаще устраиваются на деревьях (78% гнёзд), а не на кустарниках, как летом.

Располагались гнёзда чечётки разнообразно: у ствола, в мутовках и развилках, на боковых ветвях и т.п.

Из всех найденных в июле-августе гнёзд 12 были промерены, строительный материал 6 гнёзд тщательно обследован (табл. 2). Большинство изученных гнёзд были хорошо замаскированы. Средние размеры гнёзд были следующими, мм: диаметр гнезда 87.1 (lim 80-100), диаметр лотка 45.3 (40-55), высота гнезда 57.1 (50-70), глубина лотка 27.4 (20-36), а средняя масса гнёзд в воздушно-сухом состоянии – 14.5 г.

Таблица 2. Состав, масса и доля строительного материала в гнёздах чечётки *Acanthis flammea*

Материал	Масса строительного материала, г											
	Гнездо №1		Гнездо №2		Гнездо №3		Гнездо №4		Гнездо №5		Гнездо №6	
	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%
Сухие веточки	7.9	47.6	6.0	46.2	7.3	49.3	6.9	56.6	6.7	35.9	2.8	20.6
Травинки	3.2	19.3	3.8	29.2	4.2	28.3	2.3	18.8	8.5	45.5	6.7	49.3
Перья	0.4	2.4	0.2	1.5	0.2	1.4	0.2	1.6	0.4	2.1	0.7	5.1
Вата, волос	4.9	29.5	3.0	23.1	2.9	19.6	2.0	16.4	2.1	11.2	3.2	23.5
Верёвки	0.2	1.2	–	–	0.2	1.4	–	–	1.0	5.3	0.2	1.5
Синтепон	–	–	–	–	–	–	0.8	6.6	–	–	–	–
Итого:	16.6	100	13.0	100	14.8	100	12.2	100	18.7	100	13.6	100

Рис. 3. Гнездо обыкновенной чечётки *Acanthis flammea* в развилке берёзы. В выстилке лотка есть вата. Архангельск, 17 июля 2009. Фото автора.

Основными материалами каркаса гнёзд чаще всего служат веточки тех древесно-кустарниковых растений, на которых они расположены (табл. 2). Количество веточек в одном гнезде варьировало от 15 до 233 штук, а их масса составляла от 20.6 до 56.6% от всей массы гнезда. В состав каркаса вплетаются травинки, верёвочки, растительный пух и

вата. Доля стеблей и листьев трав в гнезде по массе составляла от 18.8 до 49.3%. Количество верёвочек, в том числе полиэтиленовых, вплетённых в каркас гнёзд, варьировало от 2 до 10, а их весовая доля была незначительной – до 5.3%. Лоток гнёзд выстилается волосами, перьями, ватой, синтепоном (рис. 3). Количество перьев в выстилке лотка варьировало от 21 до 81 штук, а их масса также была небольшой. Лишь весовая доля ваты в выстилке была значительной – до 29.5%.

В описанных в литературе гнёздах чечётки раньше не отмечались материалы антропогенного происхождения (Балацкий 2009, 2014; Михеев 1975; Рябицев 2001; Семёнов-Тян-Шанский, Гилязов 1991). В настоящее время птицы, в том числе чечётки, в урбанизированном ландшафте используют материалы антропогенного происхождения, в частности верёвки, вату, синтепон и др.

Летние кладки чечёток несколько меньше весенних. Из 24 обследованных гнёзд с полной кладкой в 7 гнёздах (29.2%) было по 3 яйца, в 8 (33.3%) – по 4, в 7 (29.2%) – по 5, в 2 (8.3%) – по 6 яиц. Средняя величина кладки составила 4.2 ± 0.2 яйца. Размеры яиц были следующими ($n = 40$), мм: $15.5-18.2 \times 11.7-13.3$, в среднем $16.76 \pm 0.05 \times 12.43 \pm 0.06$; масса яиц – $1.14-1.43$, в среднем 1.27 ± 0.02 г. В летнее гнездование откладка яиц проходила со второй декады июля по первую декаду августа.

Инкубация продолжалась в течение 12-13 сут. Насиживающая самка часто издаёт негромкое чириканье, перекликаясь с самцом, что привлекает хищников и ворон, и, следовательно, неблагоприятно сказывается на успехе размножения.

В августе 2009 года нами были проведены наблюдения за активностью взрослых чечёток при кормлении одновозрастных птенцов в двух гнёздах (табл. 3).

Таблица 3. Активность чечёток *Acanthis flammea* при кормлении птенцов

№ гнезда	Число птенцов	Дата наблюдения	Возраст птенцов, сут.	Среднее число прилётов в час		«Рабочий день», ч	Число прилётов в сутки
				♂	♀		
1	4	10.08.09	3-4	2.9	1.1	15.50	62
		14.08.09	7-8	3.7	1.9	16.25	91
		18.08.09	10-11	2.2	1.6	15.50	59
		19.08.09	12-13	3.0	1.0	15.75	63
2	3	6.08.09	3-4	2.3	1.0	15.35	50
		10.08.09	7-8	2.6	2.0	16.00	73
		14.08.09	10-11	2.6	0.4	15.70	47

По результатам этих наблюдений было выявлено, что средняя продолжительность кормления птенцов в течение суток составила, по наблюдениям за двумя гнёздами, 15 ч 43 мин. За этот период взрослые птицы кормят птенцов в среднем 63.6 раз (68.8 раз в гнезде № 1 и 56.7

раз в гнезде № 2). На одного птенца в первом гнезде приходилось в среднем 17.2 кормёжки в сутки, во втором – 18,9. Наибольшее количество кормлений в обоих гнёздах пришлось на средневозрастных (7-8 суточных) птенцов. Во время кормления в августе, когда погода в Архангельске отличается невысокими плюсовыми температурами и частыми дождями, самка часто и подолгу обогревает птенцов, поэтому кормит их реже самца. Общий срок выкармливания птенцов в летнюю генерацию колебался от 9 до 13 сут. В 2009-2012 годах из большинства гнёзд, находившихся под наблюдением, птенцы вылетели в августе (рис. 4). Один из последних слётков, сидящий на земле, был обнаружен 31 августа 2009. Возраст этого птенца не превышал 9-10 сут. После вылета птенцы по несколько дней сидят на одном месте, перемещаясь в пределах 2-3 м. Вылет птенцов в августе отмечался и в Мурманской области (Баккал 2005).

Рис. 4. Слётки обыкновенной чечётки *Acanthis flammea* в центре Архангельска. Слева – 31 августа 2009, справа – 10 августа 2012. Фото автора.

Общая успешность размножения, рассчитанная по результатам наблюдений за судьбой 28 гнёзд в разные годы, составила 46.7- 55.5%. Причём до начала кладки было брошено 11.1-13.3% построенных гнёзд, в период инкубации погибли 27.7-33.3% кладок, во время выкармливания погибли птенцы в 5.5-6.7% гнёзд. Наибольшая гибель гнёзд чечётки на Ямале отмечалась также во время инкубации (Алексеева 1986).

В Архангельске и его пригородной зоны в разные годы весной и летом собран некоторый материал по морфометрии обыкновенной чечётки (табл. 4). Результаты наших измерений показывают, что самцы несколько крупнее самок по большинству параметров. Статистическая значимость этих результатов не определена. Самки обыкновенной чечётки в Лапландском заповеднике, наоборот, были несколько крупнее самцов (Семёнов-Тян-Шанский, Гилязов 1991). Для оценки значимости различий необходима значительно большая выборка.

Таблица 4. Морфометрические параметры
обыкновенной чечётки *Acanthis flammea*

Параметр	Статистические показатели			
	♀ (n = 8)		♂ (n = 4)	
	Средняя	lim	Средняя	lim
Длина, мм:				
тела	123.8	118.0-128.0	128.5	126.0-130.0
крыла	71.2	69.0-75.0	73.8	71.7-76.0
крылышка	14.7	13.5-16.0	14.5	14.0-15.0
хвоста	55.8	53.0-61.0	57.0	55.0-58.0
цевки	15.7	13.0-18.0	15.9	14.0-17.0
надклювья от оперения	8.1	7.5-9.0	7.8	7.0-9.0
надклювья от ноздри	7.1	6.5-8.5	7.0	6.5-7.5
подклювья	7.1	6.5-7.5	7.1	6.8-7.5
заднего (1-го) пальца	5.2	4.5-6.0	6.2	5.5-7.0
когтя заднего пальца	5.5	4.3-6.0	5.1	5.0-5.3
среднего (3-го) пальца	6.3	5.0-7.0	6.3	6.0-7.0
когтя среднего пальца	4.1	3.2-5.0	4.3	4.0-5.0
Масса тела, г	12.6	12.3-13.0	13.0	11.5-14.0

Примечание: в связи с небольшой величиной выборки среднее квадратичное отклонение и ошибка средней не рассчитывались.

В заключение хочу отметить, что в разборе строительного материала гнёзд и наблюдениях за суточной активностью взрослых птиц во время выкармливания птенцов принимали участие студенты В.Сугак и М.Сполниченко, которым выражаю искреннюю благодарность.

Литература

- Алексеева Н.С. 1986. Успешность размножения и её связь с плотностью гнездования у чечётки на Ямале // *Регуляция численности и плотности животных Субарктики*. Свердловск: 94-106.
- Алексеева Н.С. 2005. Вторая кладка у чечётки *Acanthis flammea* на Ямале // *Рус. орнитол. журн.* 14 (280): 169-170.
- Баккал С.Н. 2005. Раннее размножение чечётки *Acanthis flammea* в Мурманской области // *Рус. орнитол. журн.* 14 (280): 163-169.
- Балацкий Н.Н. 2009. Обыкновенная чечётка – *Acanthis flammea* (Linnaeus, 1758) // *Гнёзда птиц юга Западно-Сибирской равнины*. Новосибирск: 112.
- Балацкий Н.Н. 2014. Гнездование чечётки под Новосибирском // *Рус. орнитол. журн.* 23 (1050): 2936-2937.
- Бианки В.В., Коханов В.Д., Корякин А.С., Краснов Ю.В., Панева Т.Д., Татаринкова И.П., Чемякин Р.Г., Шкляревич Ф.Н., Шутова Е.В. 1993. Птицы Кольско-Беломорского района // *Рус. орнитол. журн.* 2, 4: 491-586.
- Владимирская М.И. 1948. Птицы Лапландского заповедника // *Тр. Лапландского заповедника* 3: 171-245.
- Гладков Н.А. 1962. Материалы по птицам окрестностей Воркуты (восток Большеземельской тундры) // *Орнитология* 4: 15-28.
- Данилов Н.Н., Рыжановский В.Н., Рябицев В.К. 1984. Чечётка – *Acanthis flammea* (L.) // *Птицы Ямала*. М.: 274-283.
- Зимин В.Б. 1988. *Экология воробьиных птиц Северо-Запада СССР*. Л.: 1-184.

- Мальчевский А.С., Пукинский Ю.Б. 1983. Чечётка – *Acanthis flammea* (L.) // *Птицы Ленинградской области и сопредельных территорий: История, биология, охрана*. Л., 2: 361-364.
- Михеев А.В. 1975. *Определитель птичьих гнёзд*. М.: 1-171.
- Новиков Г.А. 1952. Экология птиц Хибинских гор // *Тр. Зоол. ин-та АН СССР* 9, 4: 1133-1154.
- Паровщиков В.Я. (1941) 2009. Систематический список птиц города Архангельска и его окрестностей // *Рус. орнитол. журн.* 18 (477): 620-630.
- Пасхальный С.П. 1999. Аномально поздний выводок чечётки *Acanthis flammea* в низовьях Оби // *Рус. орнитол. журн.* 8 (86): 16-17.
- Рябицев В.К. 1987. Повторные кладки и бициклия у птиц Ямала // *Экология* 2: 63-68.
- Рябицев В.К. 1993. *Территориальные отношения и динамика сообществ птиц в Субарктике*. Екатеринбург: 1-297.
- Рябицев В.К. 2001. Чечётка *Acanthis flammea* // *Птицы Урала, Приуралья и Западной Сибири: Справочник-определитель*. Екатеринбург: 550-552.
- Семёнов-Тян-Шанский О.И., Гилязов А.С. 1991. Обыкновенная чечётка – *Acanthis flammea* (L.) // *Птицы Лапландии*. М.: 258-260.
- Хохлова Т.Ю., Морошенко Н.В. 2009. Размножение чечёток *Acanthis flammea* в июле-августе 1975 года в южной Карелии // *Рус. орнитол. журн.* 18 (465): 281-283.

ISSN 0869-4362

Русский орнитологический журнал 2016, Том 25, Экспресс-выпуск 1274: 1367-1368

Горихвостка-чернушка *Phoenicurus ochruros* – гнездящийся вид Кировской области

С. Ф.Акулинкин, В.Н.Сотников

Сергей Фёдорович Акулинкин. Заборская общеобразовательная школа, ул. Молодежная, д. 15, д. Бобровы, Даровской район, Кировская область, 612131, Россия. E-mail: s.akulinkin@mail.ru

Владимир Несторович Сотников. Кировский городской зоологический музей, ул. Ленина, д. 160, Киров, 610007, Россия. E-mail: sotnikovkgzm@gmail.com

Поступила в редакцию 1 апреля 2016

Статус горихвостки-чернушки *Phoenicurus ochruros* в Кировской области оставался не ясным до 2015 года. Первая регистрация чернушек произошла в 2003 году в Кирово-Чепецком районе, когда 9 и 24 октября в деревне Исаковцы были пойманы три молодые птицы. В 2006 году самцы этой горихвостки встречены северо-западнее – в деревне Бобровы Даровского района: 18 мая и 21 октября (Сотников 2008). После этих встреч нами было выдвинуто осторожное предположение, что горихвостки-чернушки, возможно, гнездятся на территории области. В той же деревне горихвостка наблюдалась 11 октября 2008 года, а 7 июня 2015 года там же было найдено первое в области гнездо. Гнездо располагалось внутри колёсной балки пожарной цистерны, стоящей на пустыре у зернотока на окраине деревни (рис. 1).

Рис. 1. Слева – место гнездования горихвостки-чернушки *Phoenicurus ochruros* – пожарная цистерна в деревне Бобровы Даровского района. Справа – само гнездо. 7 июня 2015. Фото С.Ф.Акулинкина.

Рис. 2. Птенцы горихвостки-чернушки *Phoenicurus ochruros*. Деревня Бобровы. 7 июня 2015. Фото С.Ф.Акулинкина

Гнездо размещалось внутри металлического швеллера и птицы проникали туда через отверстие диаметром 5 см. Гнездо построено в основном из сухих соцветий иван-чая. В момент обнаружения гнезда его стали покидать оперённые птенцы. Первый птенец вылетел в 8 ч 50 мин, четвёртый – в 13 ч 40 мин. (рис. 2). В первом полёте птенцы преодолевали около 20 м. Взрослые горихвостки были очень осторожны и в присутствии человека к птенцам не подлетали.

Литература

Сотников В.Н. 2008. *Птицы Кировской области и сопредельных территорий*. Том 2. Воробьинообразные. Ч. 2. Киров: 1-432.

Кормовые скопления птиц в очаге массового размножения азиатской саранчи *Locusta migratoria* на северном побережье озера Сасыкколь (Восточный Казахстан)

Н.Н.Березовиков, А.Н.Филимонов

Николай Николаевич Березовиков. Отдел орнитологии и герпетологии, Институт зоологии, Министерство образования и науки, проспект Аль-Фараби, 93, Алматы, 050060, Казахстан.
E-mail: berezovikov_n@mail.ru

Александр Николаевич Филимонов. Алакольский государственный природный заповедник, г. Ушарал, Алакольский район, Алматинская область, 060200, Казахстан

Поступила в редакцию 31 марта 2016

После сильной засухи 2012 года уровень воды на озере Сасыкколь в Алакольской котловине летом 2013 года понизился на 35 см, после чего все мелкие водоёмы на его северном побережье между посёлком Сагат и Тысячными озёрами (Мынколь) оказались обсохшими, включая Первое, Второе и Третье озёра между Сагатом и речкой Каракол и солончаковые водоёмы в урочище Верблюжье. На Тысячных озёрах с водой остался только один самый крупный водоём шириной 1.5 км. Это явление удивительным образом совпало с массовым размножением азиатской саранчи *Locusta migratoria* в этих местах, основной очаг которой был локализован на участке протяжённостью 40 км между речкой Каракол и урочищем Сарыжол в пределах Урджарского района Восточно-Казахстанской области.

С целью знакомства с орнитологической ситуацией 2 и 3 сентября 2013 на автомашине УАЗ-656 была совершена поездка по северному берегу Сасыкколя полевой дорогой из посёлка Сагат (46°41'39" с.ш., 80°45'57" в.д.) до Тысячных озёр через Каракол, Сарыжол и Верблюжьи озёра (длина маршрута 72 км). Поражало обилие всюду саранчи, которая была многочисленна как по открытым степным пространствам, так и в тростниковых массивах. При этом после её нашествия вся листва на тростниках оказывалась целиком объеденной, и эти оголённые заросли представляли собой унылое зрелище. Примечательно, что саранча в это время уже производила откладку яиц.

Всюду по степным и луговым участкам держалось множество птиц, кормящихся саранчой. Наиболее многочисленными всюду были грачи *Corvus frugilegus*, восточные чёрные вороны *Corvus corone orientalis*, хохотуньи *Larus cachinnans*, озёрные чайки *Larus ridibundus*. Встречались отдельные группы и стаи серых журавлей *Grus grus*, дроф *Otis tarda*, стрепетов *Tetrax tetrax*, больших кроншнепов *Numenius arquata*,

чибисов *Vanellus vanellus*, садж *Syrrhaptes paradoxus*, золотистых щурок *Merops apiaster*, скворцов *Sturnus vulgaris*. Сравнительно много было хищных птиц, включая черноухих коршунов *Milvus migrans lineatus*, луней, канюков, орлов и пустельг (см. таблицу). Перечисленные выше птицы составляли основное ядро трофических скоплений, связанных с саранчой.

Численность птиц на степном побережье озера Сасыкколь в местах размножения азиатской саранчи 2 сентября 2013.

Протяжённость маршрута 40 км

Виды птиц	Учтено особей
<i>Milvus migrans</i>	31
<i>Circus pygargus</i> , <i>Circus macrourus</i>	12
<i>Circus aeruginosus</i>	8
<i>Buteo rufinus</i> , <i>Buteo buteo</i>	19
<i>Aquila nipalensis</i>	3
<i>Aquila heliaca</i>	4
<i>Falco tinnunculus</i>	8
<i>Coturnix coturnix</i>	3
<i>Grus grus</i>	252
<i>Otis tarda</i>	31
<i>Tetrax tetrax</i>	9
<i>Vanellus vanellus</i>	6
<i>Numenius arquata</i>	16
<i>Larus ridibundus</i>	800
<i>Larus cachinnans</i>	1480
<i>Syrrhaptes paradoxus</i>	55
<i>Merops apiaster</i>	120
<i>Upupa epops</i>	1
<i>Hirundo rustica</i>	1100
<i>Motacilla feldegg</i>	32
<i>Lanius minor</i>	2
<i>Sturnus vulgaris</i>	220
<i>Corvus frugilegus</i> , <i>Corvus corone</i>	1200
<i>Oenanthe oenanthe</i>	43
Всего	5455

Из воробьиных птиц особенно многочисленны были деревенские ласточки *Hirundo rustica*, у которых шёл выраженный пролёт на запад. Летело также много каменок *Oenanthe oenanthe* и черноголовых трясогузок *Motacilla feldegg*.

Проведённые наблюдения свидетельствуют, что места, где существуют очаги размножения азиатской саранчи, привлекают внимание многих птиц, охотно переключаящихся на питание этими насекомыми. Легко доступная в любых количествах калорийная пища в конце лета и начале осени способствует быстрому «жирению» птиц – накоплению энергетических запасов накануне миграции и зимовки.

В заключение отметим, что каракольский очаг размножения саранчи продолжал существовать и в 2014 и 2015 годах, по-прежнему привлекая внимание множество птиц. По соседству с ним на побережье Сасыкколя возник ещё один очаг между Сагатом и Перешейком (Ертуйской протокой). Именно этим обстоятельством, скорее всего, можно объяснить увеличение частоты августовских и сентябрьских встреч на северном побережье Сасыкколя в окрестностях Сагата в последнем десятилетии дроф, джеков *Chlamydotis undulata*, стрепетов, серых журавлей и красавок *Anthropoides virgo*.

ISSN 0869-4362

Русский орнитологический журнал 2016, Том 25, Экспресс-выпуск 1274: 1371-1372

Серая ворона *Corvus cornix* ловит летучую мышь в воздухе

Н.Н.Колякина

Наталья Николаевна Колякина. Кафедра зоологии, экологии и общей биологии, Волгоградский государственный социально-педагогический университет, проспект В.И.Ленина, д. 27, Волгоград, 400131, Россия. E-mail: n_kolyakina@mail.ru

Поступила в редакцию 30 марта 2016

12 марта 2016 около 17 ч в одном из спальных районов Волгограда («Семь ветров») нами наблюдался случай поимки серой вороной *Corvus cornix* летучей мышью в воздухе.

Наше внимание привлекли звуки, и сначала в воздухе были замечены обыкновенная пустельга *Falco tinnunculus* и две серых вороны. Первоначально мы предположили, что пустельга отгоняет ворон – подобные случаи наблюдаются в Волгограде довольно часто: вороны пытаются разорять гнёзда пустельги.

Кроме того, была замечена в воздухе и летучая мышшь. К сожалению, на расстоянии не представлялось возможным определить её видовую принадлежность. Оказалось, что пустельга пыталась поймать рукокрылое, то же пытались сделать и обе вороны. Мышь сделала крутой вираж вниз у стены дома, птицы спикировали за ней. Пустельге не удалось её схватить, а одна из ворон поймала мышшь клювом и полетела прочь от этого места. Пустельга, оставшись ни с чем, скрылась за многоэтажным домом, а вторая ворона начала преследовать первую, пытаясь отнять у той добычу. Мышь всё ещё оставалась живой, била крыльями и пыталась освободиться, однако безуспешно. Обе вороны скрылись из виду, в воздухе продолжая соперничество за добычу.

Вероятно, летучая мышь только что вышла из спячки, поэтому вылетела из укрытия в светлое время суток (закат в это время в Волгограде происходит около 18 ч), была не очень активной вследствие невысокой температуры воздуха и стала относительно лёгкой добычей для серой вороны.

ISSN 0869-4362

Русский орнитологический журнал 2016, Том 25, Экспресс-выпуск 1274: 1372-1387

Большой баклан *Phalacrocorax carbo* на Байкале

О.К.Гусев

Второе издание. Первая публикация в 1980*

Последняя колония больших бакланов *Phalacrocorax carbo* на Байкале исчезла около двадцати лет назад [в начале 1960-х годов], но в орнитологических сводках наших дней ареал этой птицы в Восточной Сибири все ещё изображают а виде сплошь зачерченной обширной местности от Байкала на западе до Амура на востоке и от государственной границы на юге до Баргузинской впадины на севере.

Очень трудно поверить в исчезновение этой птицы на Байкале.

Ведь ещё недавно бакланы встречались здесь «такими несметными стаями, как едва ли где в другом месте на материке Старого света», гнездились «такими массами, что помёт лежал толстым слоем по скалам и далеко разносился его запах». Они «тысячами покрывали Селенгинскую и Баргузинскую бухты», и даже в середине тридцатых годов нашего столетия предлагали организовать их промысел, чтобы «дать городам дополнительно сотни тонн мяса».

...Последнего баклана на Байкале я видел в 1971 году. С тех пор уже никто из орнитологов не встречал здесь этой птицы.

Баклан сгинул так стремительно и неожиданно, что остался почти не изученным. Мы не имеем точных сведений о его прошлом распространении в Прибайкалье, количестве колоний и величине популяций; почти ничего не известно о его образе жизни, о роли этого вида в озёрных экосистемах, круговороте вещества и энергии в Байкале.

Тот факт, что баклан был одним из наиболее массовых пернатых обитателей Байкала, не торопил с изучением его экологии. Казалось, что эта птица здесь будет жить вечно, что она может и подождать, и что важнее изучать и охранять редких и исчезающих животных.

---

* Гусев О.К. 1980. Большой баклан на Байкале // *Охота и охот. хоз-во* 3: 14-17, 4: 14-16.

Судьба большого баклана на Байкале драматична и поучительна.

Это побудило нас сделать попытку восстановить картину прошлого распространения бакланов на Байкале, собрав воедино все доступные материалы. Наблюдение за последней колонией этих птиц на Байкале, выявление мест их былых гнездовий по остаткам гнёзд, опрос местных жителей, изучение географических названий на картах озера – всё это значительно облегчает нашу задачу.

Но ничто не даст ощущения большей достоверности фактов, ничто не сделает картину процветания и гибели бакланов на Байкале более правдивой и впечатляющей, чем искренние и безыскусные свидетельства очевидцев. Разбросанные по труднодоступным изданиям, забытые или вообще неизвестные «записки», «отчёты» и «донесения» этих свидетелей незапамятной старины редки и драгоценны. Мы воспользуемся теми их страницами, которые касаются интересующей нас темы, полностью сохранив их образный строй и эмоциональную фразеологию.

Наука от этого не пострадает, а читатели – выиграют.

Первые сведения о распространении и массовом гнездовании больших бакланов на Байкале сообщены академиком И.С.Георги – участником экспедиции «великого северного естествоиспытателя» Петра Симона Палласа.

13 июня 1772 в Бугульдейской бухте, как свидетельствует географ Карл Риттер (1879), И.С.Георги «сел для плавания на плоскодонный полудошаник, управляемый 12 матросами из казаков» и «первым из естествоиспытателей оплыл озеро», «только благодаря чему представилась возможность составить сколько-нибудь верную его картину».

Из Бугульдейки И.С.Георги направился на северо-восток к Малому Морю и острову Ольхону. Ольхон поразил его «чрезвычайным изобилием рыбы и птицы», а Малое Море – большими бакланами. «В проливе, называемом Тонким Морем, – писал И.С.Георги, – находится 9 бакланьих островов, названных так от необычайного множества водящихся на них бакланов. Скалы этих островов до того сплошь покрыты едким помётом бакланов и чаек, что с первого взгляда кажутся оштукатуренными и выбеленными».

Обогнув озеро с севера и продвигаясь вдоль его побережья на юг, И.С.Георги достиг Чивыркуйского залива, где его воображение снова было потрясено невероятным множеством обитавших там околводных птиц: «С северной стороны полуострова к Чивирскому заливу выдаются семь или восемь значительных, утёсистых мысов с отвесными берегами, от 10 до 20 сажен вышиною. Около них разбросаны островки, состоящие из множества скал и подводных камней, как например Багидхирь, Колитка, Култагой, большей частью состоящие из кварцевой

или полевошпатовой вакки, поросшие только засохшими кедрами. Верхушки и ветки этих кедров покрыты гнёздами цаплей и бакланов; даже все отдельные утёсы до такой степени покрыты помётом (гуано) этих птиц, что кажутся окрашенными белой краской. Число птиц здесь несметно, тем более, что к ним присоединяются стаи озёрных чаек, вьющих здесь гнёзда в углублениях скал... На отдельных островах водятся большие одичалые собаки, питающиеся молодыми рыбами и полупереваренною пищею прожорливых бакланов... Птицы преимущественно собираются здесь такими несметными стаями, как едва ли где в другом месте на материке Старого света, именно потому, что обилие рыбы, и особенно омулей в этих заливах, также превосходит всякое вероятие».

Бесценны указания И.С.Георги о гнездовании бакланов на западном побережье озера у реки Анги и на северо-восточном на мысе Хаман-Кит. Привожу их по тексту Карла Риттера в его «Землеведении Азии»; ни в одном из других печатных источников мне не удалось найти об этом никаких упоминаний.

«Ангинский мыс, имеющий до 300 футов в вышину, есть ужасная, отвесная скала, возвышающаяся прямо над пенящимся озером и сильно растреснутая в разных направлениях; все неровности и уступы её усеяны бесчисленным множеством гнёзд чаек и бакланов, густые рои которых наполняют окрестность пронзительным криком».

А вот что сообщает И.С.Георги о бакланах на мысе Хаман-Кит:

«Здесь, к югу от устья Верхней Ангары, на восточном берегу (под 55° с.ш.) находится особенно чтимый утёсистый мыс Святого моря – Шаманский мыс. Между множества его скал особенно возвышаются три, подобно отвесным столбам, футов на 200 (около 30 сажен) над поверхностью озера. Одна из них похожа на колоссальную человеческую голову, с саженным носом и глубокими, тёмными впадинами, похожими на глаза; в расщелине, представляющей рот, гнездятся целые стаи морских воронов, или бакланов, которых вообще водится множество на этом берегу Байкала...»

Летом 1855 года, частично повторив путь И.С.Георги, путешествие по Байкалу совершил другой известный натуралист – Густав Радде. Он оставил яркое описание бакланьей колонии на острове Бакланьем Камне, или Столбовском, у бухты Песчаной. И.С.Георги не видел этого островка, так как начал путешествие значительно северо-восточнее, а его спутник студент Лебедев хотя и упоминает о Столбовском острове, но ничего не говорит о бакланах на нём.

«И самые крутые откосы скал оживлены пернатыми, – читаем мы в «Извлечении» из отчёта Густава Радде (1857), – на них то именно до августа месяца встречается невероятное множество особей некоторых родов. В пору выводки даурийская галка отыскивает здесь самые глу-

хие расселины и вьёт своё гнездо на недоступнейших обломках; мирно с нею тут же гнездятся крупные чайки. В других местах высиживают своих птенцов целые семьи карморанов, этих всюду встречаемых рыбных хищников. Особенно отличается обилием их один уединённый, среди озера, утёсистый островок, лежащий у западного берега, вёрстах в 30 выше деревни Голоустной.

Ещё издали видел Г.Радде тянувшиеся к вершинам дикого утёса вереницы морского ворона, между тем как другие стаи летели им навстречу; приблизившись к скале, он нашёл её усеянную сплошь плоскими гнёздами, из которых торчали открытые клювы молодых карморанов, заботливо охраняемых своими родителями. Рассеяв ружейным выстрелом чёрных хищников, отлетевших целыми тучами версты за четыре от острова, Г.Радде вскарабкался на утёс, чтобы ближе рассмотреть эту огромную пернатую колонию. На накопившемся – на фут вышиною – слое птичьего помёта лежали остатки мелкой рыбы; ни былинки травы, ни даже кусочка лишая не было видно на всём этом пространстве, и поверхность скалы была так скользка от свежих испражнений, что ходить по ней было не только трудно, но даже опасно. Внутренность гнёзд показала ему все постепенные фазы развития карморана, от только что вылупившихся и на первых порах ещё слепых птенцов, до того возраста, где уже начинают прорастать маховые перья. Он нашёл даже тёплые яйца, в которых явственно ощущалось биение пульса зародыша; самка, сидя на яйцах, в то же время кладёт новые, и этим-то объясняется неравномерность возраста многочисленной выводки. Г.Радде насчитывал во многих гнёздах до 10 птенцов. Пребывание карморанов на этом утёсе продолжается до тех пор, пока семейная жизнь их обуславливается необходимостью, со стороны родителей, охранять слабых детёнышей, но как только последние начинают сами действовать крыльями и клювом – начинается, так сказать, жизнь общественная, в которой каждый член, наделённый от природы равными правами и одинаковыми средствами, вполне следует общему инстинкту и общим привычкам; и вот эти тучи карморанов покидают свой родной утёс и отлетают к побережью в бухты, где жадно выжидают поживу, оставшуюся им от рыбного промысла. Осенью покрывают они тысячами Баргузиискую и Селенгинскую бухты и целыми чёрными тучами поднимаются с озера на лакомую добычу».

Популярный в середине прошлого столетия журнал «Библиотека для чтения» опубликовал очерк С.И.Черепанова «О сибирских птицах» (1859), в котором несколько строчек посвящено колонии бакланов на уже известном из описания Г.Радде Бакланьем Камне, или Столбовском острове: «Баклан избрал себе жилищем скалы, окружающие озеро Байкал, столь богатое рыбою. Особенно одна огромная скала близ западного берега, выходящая из воды, составляет любимое седалище

этой птицы и называется от этого “Бакланьим Камнем”. Подплывая к этой скале, вы будете изумлены поднявшейся с неё стаей бакланов в таком бесчисленном множестве, что издали они кажутся облаком. Жадно пожирая одну только рыбу, баклан совершенно негоден в пищу человеку; зато он полезен для наблюдателя тем, что доказывает, до какого количества может размножиться какая-либо порода птиц, если не мешать ей высиживать и воспитывать птенцов».

Тридцать лет спустя после Г.И.Радде на Байкале побывал известный в то время врач и путешественник Н.В.Кириллов (1886), который в свою очередь засвидетельствовал, что «бакланы... главным образом водятся на островах Малого моря» и что «здесь баклана такие массы, что помёт лежит толстым слоем по скалам и далеко разносится его неприятный запах».

До конца XIX века баклан в Малом море оставался ландшафтной птицей, на которую нельзя было не обратить внимания. Геолог В.А.Обручев (1890), посетивший остров Ольхон в 1889 году, писал, что «острове Малого моря дают приют бесчисленным бакланам и чайкам, помёт которых толстым слоем покрывает эти скалы, а береговые обрывы кажутся выбеленными известью». Об этом же сообщается в байкальском томе «Землеведения Азии» 1895 года издания, составленном в основном по материалам пятилетнего изучения побережий Байкала геологом И.Д.Черским. Особенно ценно указание этого исследователя на гнездование баклана на острове Модотэ. Модотэ – самый маленький островок Малого моря, вытянутая гряда его невысоких камней сейчас кое-где покрыта лишь травянистой растительностью. Оказывается, в прошлом веке на нём рос лес. Модотэ – от бурятского «модон» – лес. Во время И.Д.Черского «на его поверхности сохранялось несколько древесных стволов, стоящих на корнях, хотя и вполне уже засохших». Этот островок, а также остров Ядор, по свидетельству И.Д.Черского, «обитаемы бесчисленным множеством бакланов и чаек». Ещё об одном островке Малого моря, острове Хубын, в «Землеведении Азии» (Семёнов и др. 1895) говорится следующее: «...что же касается белого цвета значительной части его утёсов, располагающего, при взгляде с отдаления, считать их известковыми, то цвет этот зависит от помёта бакланов и чаек, гнездящихся здесь в изобилии, так же как и на других островах Малого моря».

Первый сигнал о сокращении численности бакланов на Байкале также поступил от геолога И.Д.Черского. В «Землеведении Азии» (1895) об этом говорится дважды, и в связи с большой ценностью этих указаний мы приведём их полностью:

«Во время путешествия И.Д.Черского в 1878-1879 гг. ни в этом утёсе (Чаячий), ни в других на том же пути, он не встречал гнездящихся чаек, которые замечались здесь ещё в изобилии в пятидесятых годах, как

об этом свидетельствует Радде. Точно также в этой и вообще юго-западной части Байкала Черский не встретил уже и бакланов, по-видимому переселившихся в северо-восточную часть озера».

Несколько ниже эти наблюдения И.Д.Черского уточняются следующим образом: «Во всей юго-западной части озера с Бакланьим Камнем включительно он не встретил уже ни одного баклана, хотя Бакланья бухта осматривалась им 26 июня, следовательно в одинаковое время года и только четырьмя днями позже нежели Радде».

Гнездились ли бакланы в юго-западной части озера между истоком Ангары и Култуком? К сожалению, свидетельства очевидцев об этом, видимо, не сохранились. В продолжение чуть ли не ста лет вся юго-западная часть Байкала во многом оставалась *terra incognita*, что произошло по вине П.С.Палласа. В «Землеведении Азии» 1879 года Карл Риттер заметил, что П.С.Паллас «презрительно отозвался об исследовании Култука, бесполезном по его тогдашнему мнению, как для минералогии, так и для ботаники». Именно благодаря этому И.С.Георги начал своё путешествие по Байкалу значительно северо-восточнее этого места, а закончил у дельты реки Селенги. Г.Радде вышел в поход из Листвянки, но в пути заболел и вынужден был прекратить экспедицию, добравшись лишь до полуострова Святой Нос.

Впоследствии П.С.Паллас понял, что совершил оплошность, но, как утверждает К.Риттер, «ошибка была непоправима». Из-за этой опрометчивости П.С.Палласа мы сейчас не имеем свидетельств очевидцев о гнездовании бакланов а крайней юго-западной части озера. Однако несомненно, что и здесь бакланы гнездились, о чём повествуют древние и современные карты озера.

И.С.Георги заметил, что многие физико-географические объекты Байкала получили свои имена по «наружному виду или цвету, отчасти от находимых на них или около них растений, зверей, рыб...».

Действительно, на картах Байкала можно увидеть названия многих животных, особенно тех из них, которые жили большими колониями, были хорошо заметны или играли какую-нибудь видную роль в жизни местного населения.

На картах озера есть несколько Чаячьих островов. Чаячий утёс и Чаячья долина, Крохалиная губа и Крохалиный мыс, Лосиное озеро, Выдриная речка, Змеинная губа, несколько Медвежьих падей, речек и бухт, Кабанья река и Кабаний мыс, река Язовка, Ушканьи острова, падь и мыс и другие. Многие исконные бурятские и эвенкийские топонимы, переведённые на русский язык, также оборачиваются названиями животных. Например, мысы Нижние, Средние и Верхние Хомуты (эвенкийское «хомоть» – медведь), река Бугульдейка («бугуди» в пере-

воде с эвенкийского – олень), протока и урочище Галатуй (бурятское галун – гусиный) и многие другие.

Но из всех видов животных наибольшее распространение в топонимике Байкала получил, несомненно, баклан. Его именем называются или назывались в недалёком прошлом многие физико-географические объекты: озёра, острова, мысы, утёсы, бухты, ключи, речки. Можно насчитать около 30 природных объектов, названных именем этой птицы. На современных картах Байкала название Бакланий носят четыре острова. Единственный островок на озере Котокель рядом с Байкалом также зовут этим именем. Кроме того, островок напротив мыса Бакланьего, или Каменного на восточном побережье Байкала на схемах И.Д.Черского помечен Бакланьим. Во времена И.С.Георги именем этой птицы обозначались десять островов в Малом Море. Бакланьими именуется четыре мыса, три бухты, речка, ключ, соровое озеро и разъезд бывшей кругобайкальской дороги. Невдалеке от мыса Толстого у истока Ангары есть Бакланьи Утёсы.

Далеко не все места гнездования баклана – Ангинский мыс, мыс Хаман-Кит, мыс Арул и другие – нарекали его именем. Бакланьи острова Малого Моря со временем были переименованы, так как ориентироваться в таком количестве островов с одинаковыми названиями было нелегко. Однако можно смело утверждать, что почти во всех случаях топоним «бакланий» говорит о том, что бакланы здесь гнездились. Сомнение вызывает лишь соровое озерко к северу от Посольска – возможно, что оно привлекало птиц только в сезоны перелётов или осенних скоплений на богатых кормами мелководьях.

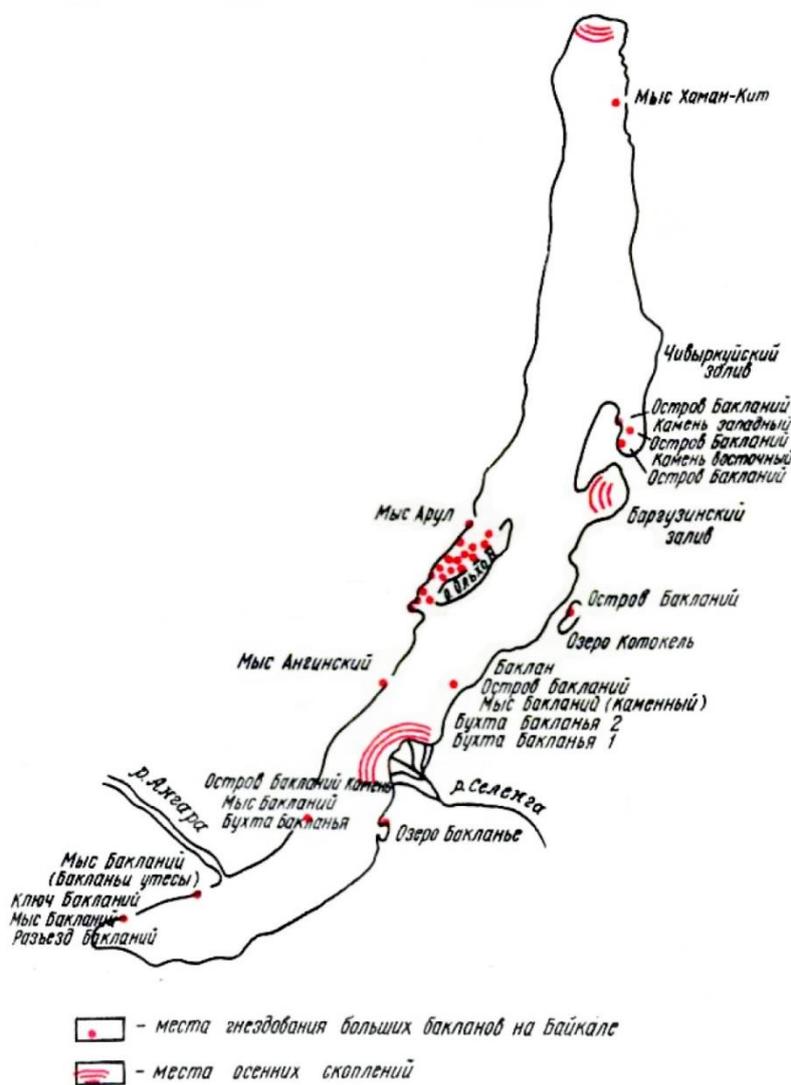
Во время кругобайкальского путешествия я осмотрел почти все места с названиями Бакланий. От истока Ангары до Култука бакланы гнездились между мысом Столбы и Колокольным и между мысом Толстым и истоком Ангары. О гнездовании здесь этих птиц рассказывают предания жителей Култука и названия на картах озера.

И.Д.Черский не обнаружил гнездовья бакланов на островке напротив мыса Каменного к северу от Селенги, Г.И.Радде до этого места не добрался, И.С.Георги о нём ничего не говорит. Но в дриженковской «Люции озера Байкал» 1908 года издания сообщается, что «усечённая пирамида» этого островка «покрыта гуано». Осмотрев этот островок, я пришёл к выводу, что бакланы на нём могли гнездиться, летая за кормом к дельте реки Селенги или находя его в многочисленных бухточках в районе Островков.

Нет сомнения в том, что эти птицы гнездились и на озере Котокель, и сейчас ещё слывущем очень рыбным.

Изучение топонимики позволило несколько уточнить картину бывшего распространения баклана и увидеть, что в недалёком прошлом он находил благоприятные условия для жизни вокруг всего Байкала.

К началу XX века, как было показано выше, баклан полностью исчез на южном Байкале, но был ещё чрезвычайно многочислен в Малом Море и Чивыркуйском заливе. Продолжал ли он в это время обживать скалы на мысе Хаман-Кит – остаётся невыясненным.

Карта-схема былого распространения большого баклана на Байкале.

★ ★ ★

Во второй половине XIX столетия, как было показано в начале настоящего сообщения, баклан исчез из всей юго-западной части Байкала, но он ещё во множестве обитал севернее широты Ольхонских ворот и Баргузинского залива – в Малом Море и Чивыркуе.

Какие материалы дают основание говорить об этом? В 1933 году орнитологическую фауну острова Ольхон изучал сотрудник Иркутского университета А.В.Третьяков (1934), опубликовавший список 74 видов птиц и ценные сведения о бакланах в Малом Море.

«Бакланов вдоль берегов острова водится довольно много, – сообщал этот натуралист, – можно сказать, тысячами. На западном побережье их больше; здесь среди скал попадаются колонии гнёзд в 140-

160. Около улуса Халгай, на скалистом, обрывистом берегу находится колония бакланов, в ней я насчитал на одном утёсе 137 гнёзд. По сведениям жителей, они здесь гнездятся уже несколько десятков лет, несмотря на то, что птенцов их изрядно бьют камнями».

А.В.Третьяков не ставил перед собой задачу определить численность этой птицы в Малом Море, а также выявить и нанести на карту все места её гнездовых колоний. Для современных орнитологов эти данные представляли бы исключительную ценность! К сожалению, зачастую это становится ясным тогда, когда уже ничего нельзя восполнить и изменить.

После А.В.Третьякова баклан в Малом Море не привлёк внимания ни одного из орнитологов, но имеющиеся свидетельства о массовом сборе его яиц и заготовке тушек птенцов во время Великой Отечественной войны и после неё позволяют думать, что гнездовые колонии этих птиц существовали здесь вплоть до 1950-х годов.

Два последних гнезда баклана с кладками охотовед В.Д.Пастухов видел на мысе Кобыльяха Голова в 1962 году. С тех пор никаких достоверных данных о гнездовании баклана в Малом Море не поступало.

Примерно в это же время завершилось угасание и исчезновение популяций бакланов в Чивыркуйском заливе.

Последним из натуралистов, видевшим здесь много этих птиц, был зоолог С.С.Туров (1923). Ему посчастливилось наблюдать за «громкими косяками» бакланов, летевших над озером Арангатуй из Баргузинского в Чивыркуйский залив. Никаких материалов о местах гнездования и численности бакланов в его печатных работах нет.

В конце июня 1957 года мы обнаружили колонию бакланов в Чивыркуйском заливе. В то время они гнездились исключительно на Камешке Безымянном, или на Бакланьем Камне Восточном. На плоской вершине острова, в углублениях скал и на карнизах я нашёл 9 неразрушенных гнёзд бакланов. Только в 4 из них были кладки. Во всём Чивыркуйском заливе нам удалось насчитать 12-14 бакланов.

Окончательное исчезновение этих пернатых могикан было делом нескольких лет.

Летом 1959 года студент-охотовед А.Черепанов побывал на Камешке Безымянном, но уже не нашёл там этих птиц. Об этом он сообщил на Первой орнитологической конференции Сибири. Исчезла последняя на Байкале и самая северная в Советском Союзе колония больших бакланов.

Правда, через несколько лет появилась надежда, что баклан ещё не окончательно покинул свою северную родину. В 1967 году охотовед В.Карпов нашёл на Камешке Безымянном гнездо баклана с одним яйцом. Но эта едва затеплившаяся надежда угасла почти мгновенно: через два года зоологи Н.Г.Скрябин и Н. И.Литвинов обследовали по-

что все острова Байкала и не только не обнаружили ни одного жилого гнезда, но и не встретили ни одного баклана.

26 августа 1971 я нашёл одиночную особь этого вида на Камешке Безымянном. В 1970-1973 годах я прошёл пешком и проехал на лодке вдоль всего двухтысячекилометрового побережья озера, затем многократно объехал его вокруг с Н.Г.Скрябиным на катере «Натуралист», побывал на всех островах и у всех бывших бакланьих колоний, но нигде не встретил ни одного баклана.

Баклан, виденный мною в 1971 году в Чивыркуйском заливе, оказался последним бакланом Байкала. Если в будущем кому-то удастся обнаружить здесь этих птиц, это будут уже не местные, байкальские, а чужие, залётные особи.

Экология байкальских бакланов осталась почти не изученной, тем не менее, собрав по крупицам отрывочные наблюдения натуралистов, а также используя наши данные о последней колонии бакланов в Чивыркуйском заливе (Гусев 1960), можно воссоздать картину жизни этих пернатых хотя бы в самых общих чертах.

В 1955 году прилёт первого баклана в Чивыркуйский залив был зарегистрирован нами 3 мая. В это время большая часть залива была покрыта льдом и только на небольшом участке акватории около Черемши и Истока появилась открытая вода. Массовый прилёт бакланов на Байкал начинался позже, после того, как на озере «распалались» льды. Вскоре после прилёта птицы приступали к строительству новых и ремонту старых гнёзд. Гнёзда устраивались на деревьях, коренных, скалистых островах, а также на утёсах материкового берега. На Камешке Безымянном они располагались на карнизах и в углублении скал с двух сторон острова – западной и восточной. Когда-то гнёзда занимали и плоскую вершину острова, но со временем они были погребены под толщей гуано.

Гнёзда бакланов, в отличие от чайчьих, просторны и массивны. Они строились из ветвей лиственницы, кедра, шиповника и других деревьев и кустарников. Длина отдельных ветвей в гнезде достигает полуметра, а толщина – 25 мм. Нелегко было доставлять с побережья залива такую тяжёлую ношу. На некоторых ветвях кедра мы обнаружили свежую, ещё не засохшую хвою, что свидетельствует о том, что птицы систематически ремонтировали старые гнёзда, которыми они пользовались многие десятки лет. Гнездо постепенно росло и в конце концов делалось похожим на высокую тумбу. Высота гнезда – до 60 см, диаметр в верхней части – 2 м 10 см, диаметр лотка – 32 см, глубина его – 9 см. Он выкладывается стеблями тростника и контурными перьями чаек. Бакланы совсем не заботились о чистоте гнезда. Птенцы и

взрослые особи густо забрызгивали гнездо белыми испражнениями и оно плотно скреплялось ими, как гипсом.

Построив новое гнездо или подновив старое, птицы приступали к откладке яиц. На Камешке Безымянном 21 июня 1957 мы обнаружили всего 14 бакланьих яиц: в двух гнёздах по 4, в одном – 1 и в одном – 5 яиц. 22 июня (5 июля по новому стилю) Г.Радде видел на Бакланьем Камне и сильно насиженные яйца, и только что вылупившихся птенцов, и молодых, у которых уже начали прорастать маховые перья. Массовое вылупление птенцов бакланов наблюдалось, видимо, в начале июля. Г.Радде писал, что во многих гнёздах было до 10 птенцов. По данным А.В.Третьякова, средняя величина выводка – 3 птенца.

Яйца в кладках бакланов окрашены в нежный голубоватый цвет и покрыты белым и бурым известковым налётом, отчего их поверхность кажется слегка шероховатой. Размеры описанных нами 9 яиц из двух гнёзд были такими, мм: 60.00×40,25, 60,25×40,85; 61,75×40.50, 61.15×39.50, 62.70×39.75, 64.40×39.45, 63.10×39.25, 63.75×39.15, 59.65×38.45.

Колоритное описание жизни бакланьей колонии сделал А.В.Третьяков. «Начиная с 5-6 часов утра, – рассказывает этот исследователь, – взрослые бакланы улетают в Малое Море и минут через 20-30 возвращаются к птенцам с рыбой а пищеводе и так они летают целый день. Затишье бывает на два-три часа после 12 часов, потом снова ловят рыбу до 8-9 часов вечера.

Птенцы, заметив подлетающих родителей, громко хрипло кричат «кувык, кувык, куви». Кормят бакланы птенцов мальками, бычками разных размеров, в зависимости от возраста птенцов. Кстати, длина пищеварительной системы старшего птенца оказалась равной 2 метра 38 сантиметров, тогда как длина всей птицы – 67 сантиметров.

Рыба у взрослого баклана находится не в клюве, а уже в верхней части пищевода. Взрослая птица при кормлении птенцов изгибает шею и выталкивает в клюв птенца рыбу, причём голова птенца засовывается почти наполовину в рот взрослого баклана.

Колонию бакланов найти нетрудно, метров за 300-500 от неё на прибрежных камнях отдыхают взрослые бакланы, а метров за 50 уже доносится специфический запах бакланьей колонии; он напоминает запах прелой, разлагающейся рыбы.

Заметив охотника, взрослые бакланы с хриплым резким криком «грв-грв-грв» улетают в Малое Море. Массовый крик бакланов, отдыхающих в колонии, издали напоминает грызню собак. Минут через тридцать бакланы возвращаются, но, заметив посетителя, не долетая до гнезда метров 20, с криком круто поворачивают назад, в море. Ни один из бакланов не защищает своих птенцов, они довольно трусливы и ближе 20 метров к охотнику не подлетают».

После того, как птенцы поднимались на крыло, вся колония, по

выражению Г.Радде, покидала свой родной утёс и отлетала к прибрежью, в бухты. Птицы скапливались у реки Верхней Ангары, вокруг дельты Селенги, а также в Баргузинском заливе и в устье реки Баргузин, о чём свидетельствует И.С.Георги: «Обилие рыбы в реке – осетров, щук, налимов, ленков, сигов и др., в особенности же омулей, в конце лета привлекает сюда бесчисленные стаи птиц. Устье реки, по крайней мере на полверсты в глубину залива, до того усеяно бакланами и чайками, что почти вся поверхность воды была покрыта ими».

О скоплении бакланов в устье Верхней Ангары рассказывает Н.В. Кириллов: «Что большие переселения для омуля возможны, предполагают по тому обстоятельству, что видят, будто руно осенью издалека гонит баклан... Эта птица очень прожорлива; про неё говорят, что ест седьмую рыбу, то есть, глотает одну рыбу за другой, и когда дойдёт очередь до седьмой рыбы, то первая уже извергается вон, часто почти не переваренная».

Конечно, такие рассказы преувеличены, – замечает Н.В.Кириллов, – но бесспорно, баклан может глубоко нырять, оставаться под водой минут 10, если не более, и в это время не только проглатывать рыбу, но даже без употребления бить её своим загнутым крючком верхней челюсти клюва, как бы готовить себе пищу на будущее.

Так вот этот баклан плотными массами нападает на идущее руно, и бывали случаи, что он вынуждал рыбу отступить, повернуть назад. Но едва ли верно, что баклан гонит рыбу в Ангарск от Ольхона: вероятнее, он помнит, что в известное время рыба там группируется и летит туда охотиться».

Сейчас мы знаем, что баклан не гнал рыбу «издалека», а следовал за её косяками после того, как омуль покидал нагульные места в Малом Море и продвигался вдоль побережья к Верхней Ангаре – одной из главных нерестовых рек Байкала. Рассказывая о баклане, как о прожорливом потребителе рыбы, Н.В. Кириллов справедливо замечает, что неправильно обвинять баклана в оскудении рыбных запасов Байкала, разграбленных сетями, неводами и заездками.

В середине сентября маломорские бакланы собирались в осенние стаи и к концу месяца Малое Море покидали последние птицы. К октябрю их оставались единицы.

Сколько бакланов обитало на Байкале в то золотое для них время, когда их гнездовые колонии располагались вокруг всего озера, а популяции находились в полном расцвете сил? Увы! Это навеки останется тайной.

Судя по некоторым данным А.В.Третьякова, а также результатам наших поисков бывших колоний по остаткам гнёзд, можно считать, что в 1930-х годах в Малом Море эти птицы гнездились как минимум в 10 местах. Свежие остатки гнёзд мы обнаружили на острове Ольхон у

мысов Саган, Красный и Хужиртуйский, на мысе Арул, на островах Хубын и Баргодагон. Очень много птиц гнезилось на острове Большой Тойник, где остатки гнёзд найдены нами в шести местах.

Если принять среднюю величину выводка в 5 птенцов, колонии – в 150 гнёзд, и считать, что гнездовья бакланов располагались в 10 местах, то можно утверждать, что в 1930-е годы осенняя численность маломорских бакланов, по самым скромным подсчётам, достигала 10000 особей.

«Я считаю целесообразным организовать заготовки мяса бакланов, – писал А.В.Третьяков. – Оно вполне съедобно, а для консервов даже превосходно. Бакланов очень много, каждый из них в среднем весит 3 кг, заготавливать их нетрудно, и продукция из них будет довольно дешёвой и выгодной. Широко развернув такие заготовки, сможем дать городам дополнительно сотни тонн дешёвого жирного птичьего мяса».

Нужны были очень веские аргументы, чтобы осмелиться выступить с таким призывом.

Трагедия бакланов на Байкале, первые действия которой разыгрались во второй половине XIX столетия, завершилась на наших глазах – в недавние 1960-е годы. Тысячи и тысячи этих хорошо летающих, быстро плавающих и великолепно ныряющих птиц из ныне благополучно здравствующего, а местами и процветающего отряда веслоногих канули в Лету. Что явилось причиной их исчезновения?

Не имея для ответа на этот вопрос абсолютных доказательств и не имея возможности их иметь, ничего не зная о том неблагоприятном воздействии, которому подвергались птицы в местах зимовок и на путях пролёта, мы вынуждены ограничиться лишь более или менее правдоподобными предположениями.

Чем вызвано «переселение» бакланов из юго-западной части озера во второй половине XIX столетия? В то время считалось, как писал С.И.Черепанов, что «баклан совершенно негоден в пищу человеку», следовательно, о его прямом истреблении не может быть и речи. Большинство колоний южного Байкала располагалось на почти неприступных скалах, так что и промысел бакланьих яиц следует исключить. Мы рискуем совсем не понять этого, если не проследим за изменением природной обстановки на Байкале к концу XIX века.

Уже к 1772 году, ко времени путешествия по Байкалу П.С.Палласа и И.С.Георги, ясно наметился процесс сокращения численности некоторых видов животных. И хотя И.С.Георги заметил, что на берегах озера легче встретить медведя и беглого нерчинского каторжника, чем русского поселянина, он приводит примеры заметного оскудения природы. В юго-западной части Байкала очень редким стал байкальский

тюлень, в истоках Верхней Ангары «окончательно истреблён» «чёрный» соболь, на речках, впадающих в Байкал, полностью исчез речной бобр. Соболю к этому времени, по-видимому, был выбит также на острове Ольхон и на полуострове Святой Нос.

В 1855 году Г.Радде стал свидетелем продолжающегося обеднения природы. Он писал: «...в особенности необыкновенная в последнее четырёхлетие убыль красной дичи на всём юго-западном пространстве; так что, между тем как ещё в 1852 году в окрестностях Култука ловили ежегодно не менее 50 штук кабарги, в последнее время поимка их ограничивалась, и то редко, одним животным».

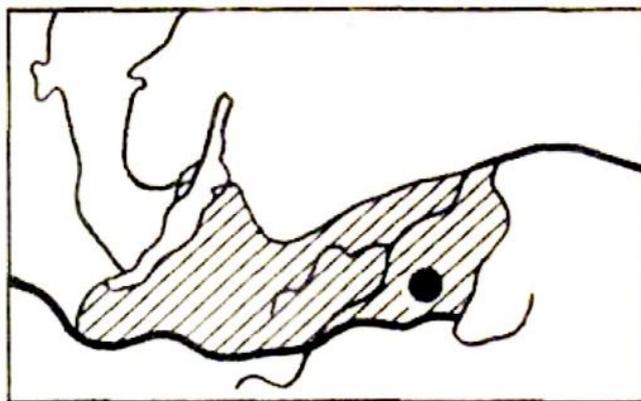
К времени работы на Байкале И.Д.Черского природная обстановка в южной части озера изменилась ещё заметнее. В 1879 году в Култуке было уже 65 дворов с 433 жителями, в селе Лиственничном, во времена И.С.Георги бывшем зимовьем и почтовой станцией, теперь насчитывалось 90 дворов с 400 жителями, в устье реки Голоустной также выросло поселение с 33 дворами и 172 жителями. Все эти населённые пункты находятся недалеко от мест бывшего гнездования бакланов. Рост численности населения привёл к катастрофическому сокращению рыбных ресурсов. Ведь уже Г.Радде и Н.В.Кириллов имели задание выяснить причины упадка рыболовного промысла. По-видимому, именно отсутствие бывшего обилия рыбы, а также деградация рыболовного промысла привели к исчезновению бакланов на всём южном Байкале к концу XIX столетия.

Более сложны и многообразны причины гибели бакланов в Малом Море и Чивыркуйском заливе.

К концу 1950-х годов Байкал испытал крупнейшие социальные перемены за всю историю своего существования. Всего за каких-то десять лет он шагнул из тысячелетнего «патриархального» прошлого в современный век технической цивилизации. Ещё в конце пятидесятых годов на Байкале пользовались почти исключительно гребными лодками. В шестидесятые появилось множество катерков и быстроходных моторных лодок. В то время, когда на вооружении местных жителей были лишь стружки, сетовухи и подъездки, удалённые от берега птичьи базары находились в относительной безопасности. Мало кому приходило в голову плыть к островам на вёслах за несколько, а иногда и несколько десятков километров. После появления множества «казанок», «обей» и «прогрессов» над колониями птиц нависла смертельная угроза. Добраться до островов или дальних береговых колоний уже не составляло никакого труда. Колонии птиц стали посещаться чуть ли не ежедневно. Бакланов «били камнями», расстреливали ради развлечения из малокалиберных винтовок, заготавливали тушки их птенцов для звероводческих хозяйств. Профессор М.М.Кожов (1972) утверждал, что «большой урон бакланьим гнездовьям был причинён неограни-

ченным сбором яиц, особенно в период Отечественной войны и в течение нескольких лет после неё».

Бакланов на Байкале давно нет, а сбор яиц, на этот раз чайчьих, продолжается на островах Малого моря и Чивыркуйского залива. Печальный памятник этому дикому пережитку белеет на вершине острова Баргодагои. На нём надпись: «Смерть получил при собирании чайчьих яиц на сей скале».

1 – Ареал большого баклана в Прибайкалье и Забайкалье по современным орнитологическим сводкам.

2 – Единственное место в пределах этого ареала, где бакланы ещё действительно гнездятся, – Торейские озёра.

Не последнюю роль в исчезновении бакланов сыграл фактор беспокойства, приводивший в действие невыгодные для бакланов ценотические связи с серебристыми чайками *Larus argentatus*, гнездившимися рядом с ними. Будучи потревоженными, чайки значительно быстрее возвращались к гнёздам и, расклёвывая яйца бакланов, могли нанести громадный урон их кладкам.

Хотя о решающих факторах исчезновения той или иной колонии мы можем только гадать, общая причина гибели бакланов не вызывает сомнений. Большой баклан на Байкале стал очередной жертвой стратегии стихийного натиска на природу. Он исчез вслед за серым гусем *Anser anser*, таёжным гуменником *Anser fabalis*, сухоносом *Cygnopsis cygnoides* и дрофой *Otis tarda*, став пятым видом пернатых в «чёрной книге» Байкала. Эти пять видов сгнули за последние пятьдесят лет.

Завершая рассказ о судьбе байкальских больших бакланов, необходимо остановить внимание на следующем обстоятельстве: некоторые редкие и даже очень редкие виды животных в Прибайкалье продолжают существовать, а то время как один из наиболее массовых видов птиц исчез с потрясающей воображение быстротой.

Уделяя должное внимание редким и исчезающим видам животных, мы не должны забывать, что наиболее уязвимы те виды птиц,

численность которых достигает высокой концентрации в местах гнездовых. История отношения человека и природы учит нас: колониально гнездящиеся виды птиц одними из первых исчезают с лица Земли.

Примеры хорошо известны, их нет необходимости называть. Один из самых свежих и печальных – большой баклан на Байкале.

Л и т е р а т у р а

- Гусев О.К. 1960. О гнездовании птиц на островах Чивыркуйского залива Байкала и оз. Ранготуя // *Тр. Вост.-Сиб. фил. АН СССР* **23**: 69-88.
- Кириллов Н.В. 1886. Поездка в Нижнаангарск, Баргузинского округа на Байкале в 1885 году // *Изв. Вост.-Сиб. отд. Рус. геогр. общ-ва* **13**, 1/2.
- Кожов М.М. 1972. *Очерки по байкаловедению*. Иркутск.
- Обручев В.А. 1890. Оро-геологические наблюдения на острова Ольхон и в Западном Прибайкалье // *Горный журн.* **12**.
- Радде Г. 1857. Озеро Байкал // *Вестн. Рус. геогр. общ-ва* **31**.
- Риттер К. 1879. *Землеведение Азии*.
- Семёнов П.П., Черский И.Д., Петц Г.Г., фон. 1895. *Землеведение Азии*. СПб., **2**.
- Третьяков А.В. 1934. К орнитофауне острова Ольхона по наблюдениям экспедиции 1933 года // *Тр. Вост.-Сиб. ун-та* **2**: 118-133.
- Туров С.С. 1923. Материалы по фауне птиц Баргузинского края // *Сб. трудов профессоров и преподавателей Иркутского ун-та* **4**: 132-167.

ISSN 0869-4362

Русский орнитологический журнал 2016, Том 25, Экспресс-выпуск **1274**: 1387-1389

Наиболее южное гнездование мородунки *Xenus cinereus*

А. Н. Цвелых

Второе издание. Первая публикация в 1982*

Мородунка *Xenus cinereus* – широко распространённый вид в лесной, лесотундровой и частично тундровой и лесостепной зонах нашей страны. Вне СССР он обнаружен на гнездовании только в Финляндии. На пролёте этот кулик встречается в Европе, Африке, Азии и даже в северных районах Австралии. Иногда бродячих негнездящихся особей можно видеть по берегам крупных рек или на морских побережьях и летом.

Мородунка – небольшой, размером со скворца, куличок серовато-буроватой окраски со светлым брюхом. Характерным признаком, отличающим его от других куликов такого же размера, служит немного загнутый кверху клюв и не очень длинные, довольно яркие жёлтые ноги.

* Цвелых А.Н. 1982. Наиболее южное гнездование мородунки // *Охота и охот. хоз-во* **12**: 9.

Потревоженный кулик часто присаживается на торчащие из воды коряги, подёргивает хвостом и издаёт громкую трель.

В УССР до недавнего времени было известно только несколько достоверных случаев гнездования мородунок на севере республики. Это была наиболее южная точка регулярного гнездования данных куликов в Европе. В последнее время в связи с появлением каскада водохранилищ на Днепре и возникновением островной зоны этих водохранилищ мородунка начала быстро расселяться на юг. Согласно исследованиям В.А.Мельничук (1970, 1977), мородунка всего за три года заселила островную зону Киевского водохранилища. С вводом в строй Каневского водохранилища она стала заселять и его. Первое гнездо было найдено там уже в 1974 году в северной его части. А в июне 1980 года гнездо мородунки зафиксировано уже в верховьях Кременчугского водохранилища.

Двухдневный птенец мородунки *Xenus cinereus*. Фото И.Загороднюка.

Гнездо было найдено на острове, расположенном напротив села Келеберда (Черкасская область). Этот остров является излюбленным местом гнездования куликов, поскольку не затопляется даже в самые большие разливы. Он покрыт травянистой растительностью степного типа. Начиная с апреля на острове возникает большая смешанная колония чибисов *Vanellus vanellus*, больших веретенников *Limosa limosa*, куликов-сорок *Yaematopus ostralegus* и травников *Tringa totanus*. Отдельными парами гнездятся здесь чирки-трескунки *Anas querquedula* и кряквы *Anas platyrhynchos*. В конце мая – начале июня последние выводки куликов покидают остров и рассредоточиваются по окрестным лугам, которые к тому времени освобождаются от вешних вод. В это же время на острове возникают небольшие колонии малых крачек *Sterna albifrons*, неподалёку от которых иногда гнездятся и отдельные пары речных крачек *Sterna hirundo*. Вот как раз в такой небольшой колонии

из 5 пар малых крачек и было найдено гнездо мородунки. Оно располагалось на периферии этой маленькой колонии. Ближайшее гнездо крачки находилось на расстоянии 1.9 м. В гнезде кулика, выстланном сухими стебельками травянистых растений, лежало 4 грушевидной формы яйца. 8 июня 1980 из них вылупились птенцы. Вначале они держались около гнезда, потом переместились в прибрежные заросли (см. рисунок).

Таким образом, за три года (1966-1969) мородунка заселила Киевское водохранилище и за шесть лет (1974-1980) – Каневское, продвигаясь в среднем вниз по Днепру на 20-30 км в год. По Днепру теперь проходит наиболее южная граница гнездования мородунки.

ISSN 0869-4362

Русский орнитологический журнал 2016, Том 25, Экспресс-выпуск 1274: 1389-1390

Влияние паразитирования личинок *Protocalliphora azurea* на рост и развитие птенцов скворца *Sturnus vulgaris*

Е.И. Труфанова, А.Д. Нумеров

Второе издание. Первая публикация в 2006*

Рост, развитие и выживаемость птенцов воробьиных птиц подвержены влиянию множества разнообразных факторов, как абиотических (Сапетина 1958; Мина, Клевезаль 1976; и др.), так и биотических: типов гнездования (Денисова 1958), внутренних циклов, обусловленных развитием оперения, общей дифференцировкой и подготовкой к вылету из гнезда (Бельский 1960; Марисова 1967; Люлеева 1974; Познанин 1979), паразитов (Ильенко 1976; Баккал 1980; Лапшин 1981; Керимов и др. 1985; Шутова 1986, 1997; Труфанова, Хицова 2001). Однако роль каждого из них, при совокупном действии этих факторов, изучена недостаточно.

Исследования проведены в 1990-1996 и 2001-2005 годах в Усманском бору (северо-запад Воронежской области). Под наблюдением находились только скворцы *Sturnus vulgaris*, размножающиеся в искусственных гнездовьях. Всего обследовано 172 гнезда скворца с птенцами, в 83 (48.3%) обнаружены личинки мух-гематофагов *Protocalliphora*

---

* Труфанова Е.И., Нумеров А.Д. 2006. Влияние паразитирования личинок *Protocalliphora azurea* FU. (Calliphoridae, Diptera) на рост и развитие птенцов обыкновенного скворца (*Sturnus vulgaris*) // Орнитологические исследования в Северной Евразии. Ставрополь: 522-524.

azurea (Calliphoridae, Diptera). Индекс обилия личинок в этих гнёздах составил в среднем за все годы 4.50 ± 0.51 экз. на одного птенца. По годам средний индекс варьировал от 1.0 до 11.8 экз./птенца, а в отдельных гнёздах достигал значения 19.0 личинки на птенца. Чёткой взаимосвязи между индексом обилия личинок и погодными условиями апреля-мая не выявлено. Наблюдалась слабая положительная корреляция ($r = 0.27$; $P < 0.05$) между количеством личинок каллифорид и числом птенцов в одном гнезде.

Измерения массы птенцов проводили индивидуально с момента вылупления до вылета из гнезда. Всего прослежено развитие 148 птенцов. Установлено, что период интенсивного роста птенцов скворца продолжается 10-11 сут с момента вылупления. Зависимость между массой тела и возрастом в этот период постэмбрионального развития имеет ярко выраженный линейный характер ($R^2 = 0.98-0.99$). В этот период масса птенцов возрастает в среднем в 10.7-11.7 раз. Существенного влияния паразитизма личинок каллифорид в этот период не выявлено. В дальнейшем наблюдается замедление роста птенцов (увеличение массы не превышает 1.2-1.3 раза). Данная закономерность известна давно и объясняется исследователями общей дифференцировкой и развитием оперения. В то же время в этот период птенцы подвержены и наиболее ощутимому влиянию эктопаразитов, достигших последней личиночной стадии развития. Оно проявляется в различии массы птенцов перед вылетом: 75.8 ± 0.74 г (гнезда без личинок), 71.3 ± 0.90 г (менее 10 личинок на птенца), 71.91 ± 0.98 (более 10 личинок на птенца). Однако наиболее сильное влияние паразитирования каллифорид проявляется в задержке времени вылета птенцов из гнёзд. Средняя продолжительность пребывания в гнезде птенцов контрольной группы (20.6 ± 0.11 сут) статистически значимо отличалась от особей из гнёзд, подверженных влиянию паразитов: 21.8 ± 0.12 сут (при менее чем 10 личинок на птенца) и 22.4 ± 0.18 сут (при более чем 10 личинок на птенца) при $P < 0.001$.

Сочетание неблагоприятных факторов среды (понижении температуры воздуха и повышенное количество осадков) усиливают негативное воздействие паразитизма каллифорид на развитие птенцов. Тем не менее, общая закономерность в динамике массы тела птенцов по дням за весь период развития в гнезде сохраняется, и наилучшим образом аппроксимируется уравнением логистической кривой.

Сибирская гага *Polysticta stelleri* в Мурманской области

А.С.Корякин, Т.Д.Панева, И.П.Татаринкова

Второе издание. Первая публикация в 2001*

В последние десятилетия в Мурманской области сибирская гага *Polysticta stelleri* из ранее сравнительно редкого вида превратилась в один из наиболее многочисленных видов гусеобразных. Впервые документировано её гнездование в области (Коханов 1998).

Численность мигрирующих и зимующих птиц начала нарастать с середины 1960-х годов. За последние 30 лет общая численность зимующих сибирских гаг возросла в 8-10 раз. В конце 1960-х – начале 1970-х годов большинство зимующих птиц концентрировалось у северо-восточного побережья Кольского полуострова (Коханов 1979). В настоящее время зимующие сибирские гаги распределяются от Варангер-фьорда до восточных побережий Кольского полуострова (Nygerd *et al.* 1995). Птицы начинают концентрироваться на зимовках в октябре-ноябре. Половозрастной состав зимующих стай в одних и тех же местах значительно варьирует.

Мурманская область не является районом стабильной зимовки для сибирской гаги. В суровые зимы тяжёлые ледовые условия приводят к перераспределению птиц, при этом большинство гаг смещается к западу вдоль побережья Мурманна.

Взрослые птицы оставляют зимовки первыми (основная волна миграции проходит в мае), стаи неполовозрелых птиц нерегулярно регистрируются летом у Мурманского побережья.

Известные места линьки сибирских гаг – Айновы острова и прилегающие участки материка в восточной части Варангер-фьорда, район Гавриловского архипелага, восточные побережья Кольского полуострова.

---

* Корякин А.С., Панева Т.Д., Татаринкова И.П. 2001. Сибирская гага в Мурманской области // *Проблемы изучения и охраны гусеобразных птиц Восточной Европы и Северной Азии*. М.: 70.